

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

Основной предмет статьи – нарушения смысловой корректности при объяснении слов в современных словарях. Отдельная тема данной работы – тенденциозный подбор цитат и их несовпадение с формальным толкованием значения. Определение слова может быть объективным, а пример к нему несет односторонний, идеологически значимый дополнительный смысл. Отдельно автор рассматривает некоторые частные приемы недобросовестного использования цитат. Основная идея статьи: когда объем и иллюстративное назначение цитаты превышаются, мы имеем дело с манипуляцией. Когда автор словаря допускает серьезные профессиональные нарушения – это тоже признак манипуляции, а не дилетантизма.

Начнем с вещей вполне тривиальных. Произошедшие в течение последних 20 лет изменения на лексико-семантическом уровне русского языка самоочевидны, необходимость их фиксации, адекватного толкования тоже не вызывает сомнений. Понятно и то, что наиболее динамичные и радикальные изменения совершаются именно в сфере семантики и что это отражение идеологических трансформаций последних лет.

Но очевидно и другое. В неустойчивые эпохи лексика (словарный состав) может неадекватно оцениваться и трактоваться в зависимости от уровня ее понимания филологами – как правило, слабо разбирающимися в социальных вопросах, особенно если новейшие термины еще не отражены в специальных справочниках. В этом случае мы имеем дело с заблуждением, недостаточной компетентностью филолога в чужой специальности – что, впрочем, мало извинительно для ученых, работающих над толковыми словарями. В конце концов, социологам часто приходится выполнять за лингвистов их работу и давать *дефиниции* таким понятиям, как демократия, плюрализм, толерантность и т.п., чего они делать не обязаны. Социолог должен давать корректные разъяснения и рабочие дефиниции для профессионалов, а филолог – формулировать точные определения, приемлемые для общенародного понимания, составлять словари, а для этого изучать литературу – если необходимо, то обществоведческую (а также техническую, медицинскую, юридическую и т.д. – любую, иначе он не профессионал). Странно, что филологи, создающие и/или закрепляющие эталоны языка, не хотят заниматься этим. Но факт остается фактом: **не занимаются**. Вот простей-

ший пример: со времен О. Шпенглера и Н. Бердяева философы различают понятия «цивилизация» и «культура», существует обширная литература на эту тему – однако в «Толковом словаре современного русского языка» под ред. Г.Н. Складчиковой (в дальнейшем – *ТС-2*; список аббревиатур см. в конце статьи) мы читаем, что цивилизация – это «мировая культура; страны мирового сотрудничества как носители этой культуры» (с. 839).

Однако дилетантизм – это еще не худший порок современной лексикографии. Она активно используется как инструмент манипуляции массовым сознанием. В этой ситуации филолог выполняет социальный заказ. При этом используются разнообразные средства: односторонняя и конъюнктурная трактовка слова (это особенно удобно при отсутствии точных, эталонных определений: всегда можно сослаться на свой дилетантизм); апелляция к предшествующим источникам явно тенденциозного характера («Толковый словарь языка Совдепии» В. Мокиенко и Т. Никитиной, «Наш советский новояз» Б. Сарнова); умолчание о важных смысловых аспектах слова; некорректный контекст; специально подобранные примеры. Возможны манипуляции с этими примерами в весьма широком спектре. Мы называем такие действия *метапропагандой*. Филолог может комментировать слова нейтрально, безо всяких идеологических акцентов, но подбирать примеры недвусмысленного содержания (разумеется, игнорируя противоположные им по смыслу). В этих случаях весьма точными признаками манипуляции могут быть количество *однотипных* цитат и их объем – если то и другое превышает сугубо иллюстративную необходимость. Это самый примитивный

способ манипулирования цитатами, но есть и более утонченные. Можно приводить фразы, противоположные друг другу по смыслу, как бы демонстрируя объективный взгляд на вещи, но комбинировать их желательным для автора образом. Например, можно цитировать корректное высказывание из уважаемой официальной прессы и явно глупое – из бульварной оппозиционной – т.е. объединять в общем контексте несопоставимые вещи. Противоречащие друг другу фразы могут относиться к разным временам – например, в том же *ТС-2* слово «меценат» иллюстрируется так: «У нас нет людей, способных быть меценатами (...). ИИР [Изобретатель и рационализатор. – А.Ф.], 1990, №4 (...) «Клуб меценатов и благотворителей России передал патриархату 150 икон. ТВ, передача «Месяцеслов», 27.06.96» (с. 456). Соположение цитат, различных по годам, выстраивается в определенную смысловую закономерность: в советские времена никто не поддерживал искусство, оно было брошено на произвол судьбы, но в благословенные капиталистические времена появились благородные и прогрессивные бизнесмены, покровительствующие культуре.

Цитаты-иллюстрации должны соответствовать содержанию словарной дефиниции. Это аксиома, о которой не стоило бы говорить, но довольно часто бывает так, что слово определяется вполне корректно, а примеры к нему вызывают, мягко говоря, изумление. Советские лексикографы – например, Д.Н. Ушаков и составители *БАС* – понимали, что русский язык – высшая культурная ценность и сам требует бережного и уважительного отношения к себе, понимали и то, что чтение словаря не только просвещает, но и воспитывает, поэтому они иллюстрировали свои словарные статьи примерами из художественной литературы, из *классики*. Но авторы *ТС-2* относятся к русскому языку иначе. Среди иллюстративных источников этого словаря преобладает насквозь идеологизированная ультралиберальная и откровенно бульварная («желтая») пресса.

Итак, недостатки толкового словаря бывают следствием дилетантизма или идеологической конъюнктуры. Чаще всего, одна-

ко, встречается третий вариант – гибрид ангажированности, некомпетентности и вполне искреннего приятия официальной идеологии. Трудно разграничить данные аспекты, но мы полагаем, что хотя бы один критерий для этого существует. **Когда филолог отступает от элементарных профессиональных требований – это, скорее всего, манипуляция.** Такие отступления не могут (по крайней мере, не должны) быть следствием незнания или идеологической наивности.

Укажем еще один важный нюанс. Еще с конца 1980-х гг., когда «перестройка» зашла в тупик и единственным возможным выходом из него оказалась реакция, «общественная потребность в попятном движении породила и специфическое извращенное сознание, когда все понятия и термины были вывернуты наизнанку. Правые стали называться в газетах «левыми», реставрация – «революцией», разрушение государства – «возрождением России», а реакция – «прогрессивными преобразованиями» или «реформами». Подмена понятий – типичный метод пропаганды (...)» [1, с. 41]. Так что газеты – особенно бульварные – не самый адекватный источник лексикографического материала. По крайней мере, нужно, во-первых, обращаться к уважаемым, солидным, профессионально добросовестным изданиям, во-вторых, использовать публицистику разной политической ориентации, если необходимо выявить различные оттенки толкования идеологически релевантных терминов.

Впрочем, вернемся к собственно лингвистическому аспекту словаря. В *ТС-2* встречаются лексемы, обычно не включаемые в словари или, по крайней мере, не оформляемые в виде отдельных статей. Это слова-однодневки, которые вряд ли следовало бы отражать даже в словаре архаизмов (некоторые из них были употреблены 1-2 раза, а потом забыты, некоторые продержались не более 1-2 лет): «бурый», т.е. офицер-фанатик; «военно-гэбистский» [путч]; «дебольшевилизация», «геймомания», «геймоголизм», «геймоголик»; «конкурсшоу»; «дээсовцы»; «купонизация», «купонно-талонный», легко создаваемые производные – т.е. *потенциальные* – слова («кодировать», «закодировать» и «закодироваться»; «продюси-

ровать», «продюсирование», «спродюсировать»; «по-перестроечному» – интересно, почему нет аналогичных наречий: «по-постперестроечному», «по-постсоветски» и т.п.?). Такие лексемы были бы уместны в изданиях типа «Новое в русской лексике. Словарные материалы», но не в итоговом словаре. Наконец, в *ТС-2* совсем излишни ложные новации – слова, хорошо известные в советскую эпоху и отраженные в советских словарях («законопроект» – в значении «проект закона» [!]; «адвентисты», «баптисты», «иеговисты», «излучение» в сочетании «радиоактивное излучение»; «код», в том числе генетический, и мн. др.).

А на каком основании в словарь включены слова «таможня», т.е. «государственный орган, осуществляющий контроль за перемещением грузов через государственную границу, их учет и взимание установленных пошлин и сборов» (с. 770), «таможенник» – «работник таможни» – и «таможенница» – «женск. к таможенник» (между прочим, это тоже отдельные словарные статьи)? У этих слов появились новые коннотации? Но какие? Где они в определениях? И такие примеры можно приводить до бесконечности.

Встречаются настоящие курьезы – в частности, со словом «табакокурение». По всему видно, что ему не место в словаре инноваций, это не неологизм, а реликт, и, кроме того, крайне малоупотребительный. Это слово, правда, отсутствует в *ОЖ*, *ОШ*, формально – в *ТСУ* (хотя там не дается, но упоминается «табакокур», – таким образом, подразумевается, что и «табакокурение» должно существовать), но не потому, что оно появилось позже этих словарей. Одного того, что оно включено в *БАС*, было бы достаточно, чтобы не вводить его в *ТС-2*. Оно там объясняется как «пристрастие к никотину, содержащемуся в табаке, как вид токсикомании» (с. 768). Само это занятие не ново еще с петровской эпохи; его название, как было сказано, не является неологизмом. О новой интерпретации табакокурения тоже говорить не приходится: и раньше было известно, что это болезненное пристрастие к ядовитому веществу, т.е. токсикомания. В известном смысле неологизмом можно считать употребленное в дефиниции слово «токсикомания», но специ-

алистам оно было известно задолго до 80-х гг. (пресловутой «антиалкогольной кампании»), когда токсикомания стала массовым явлением и соответствующее слово стало широко употребляться. Оно перешло в актуальную форму – и *его* включение в неологический словарь (с. 783) оправданно. Однако с «табакокурением» этого не произошло: в общепринятом языке оно не используется, а для специалистов оно не ново. Старое (если не вовсе устаревшее) слово определили через неологизм – да и то условный – и на этом основании тоже причислили к неологизмам! В заключение скажем, что это слово причтено к неологизмам и в словаре Т.Ф. Ефремовой, где оно объясняется с великолепной простотой: «курение табака». В том же словаре есть и еще более свежий неологизм – «табаконюхание». Интерпретация соответствующая: «нюхание табака» (Т. П. С. 743). Интересно только, кто этим сейчас занимается...

В *ТС-2* в изобилии даны маргинальные лексемы – жаргон, сленг, вульгаризмы. Между прочим, это свидетельствует о том, что собственно литературный – т.е. нормальный, общезначимый – русский язык обогатился очень мало, а вот русская речь деградировала весьма значительно. Содержание *ТС-2* довольно специфично. Откроем наугад, например, страницы 97-98, и читаем: «буржуй(ский)», «бутик», «бутлегер», «бык» в трех значениях: знак зодиака, уголовник, «осуществляющий разборки» (какое изящное стилистическое сочетание арго и канцелярита!) и брокер, далее – «бюджет», «бюрократия» и производные от них. Смотрим дальше: «валюта» с многочисленными производными, «вамп», «вампир» – в том числе «энергетический», но есть и более привычное значение, объясненное совершенно изумительно: «реальное (sic!) или [в суеверных представлениях] нереальное существо, высасывающее кровь живых людей» (С. 106; вурдалаки, оказывается, существуют! В реальном мире. А не существуют – только в суевериях!). Такая лексика живописует современный криминально-торгашеско-мещанский мир, с его бескультурьем, суевериями, мракобесием, глупостью и агрессивной вульгарностью. В целом словарь точно отражает стиль эпохи.

И еще – ее вторичность, банальность, творческое бесплодие, хотя этот аспект *ТС-2* Г.Н. Складневская отмечает как особое достоинство: в нем в изобилии встречаются «привычные, давно освоенные языком слова, претерпевшие в описываемый период разнообразные изменения», и «слова, *вернувшиеся с периферии общественного сознания* (маркируемые в словарях советского периода как *устарелые*, относящиеся к *чуждому быту* и т.п.)» (с. VI). Т.е. она подтверждает то, что и так очевидно: этот лексикон соответствует эпохе *реставрации* капитализма, буржуазного мира в целом – с его мировоззрением, моралью, предрассудками и вкусами: в активное употребление вернулись слова «буржуазия», «капитализм», «нувориш», «олигарх», «рантье», «богатые», «бедные» (почему-то в *ТС-2* отсутствуют «нищие»), «люмпен», «неимущий», «незащищенный», «безработица», «банкротство», «инфляция» и «гиперинфляция» и проч.

В начале «Предисловия» автор подчеркивает, что *ТС-2* – не есть переиздание словаря 1998 г., ибо концепция последнего «складывалась в начале 90-х годов, когда, во-первых, языковая ситуация значительно отличалась от современной, во-вторых, эмпирическая база (электронная картотека) имела фрагментарный характер, и, в-третьих, что особенно важно, еще не были ясны тенденции и направления описываемых лексических инноваций. Сейчас положение во всех отношениях иное. Перечисленные обстоятельства заставили нас пойти по пути концептуальной переработки словаря, затронувшей практически все его параметры. Это дает основание говорить не о втором, исправленном и дополненном издании, а о новом, оригинальном лексикографическом произведении» (с. V).

Допустим, положение иное не «во всех отношениях» и языковая ситуация начала 1990-х гг. отличалась от современной не так уж «значительно». Иное дело – язык первых лет «перестройки»; а вот ельцинская и постельцинская стагнационная эпоха отличается как раз однообразием, эпигонством, отсутствием новаторского духа, плодотворного творческого импульса, это отражается и в языке. Это во-первых. Во-вторых, судя по

примерам из *ТС-2*, он построен на той же эмпирической базе. В-третьих, упомянутые лексико-семантические тенденции были ясны с самого начала 90-х: а) переоценка понятий: советских – в негативном духе, анти-советских – в позитивном; б) реставрация слов, выражений и концептов царской эпохи (разумеется, апологетическая); в) заимствование иностранной лексики (от терминологии до жаргона) вследствие ориентации на западные жизненные стандарты; г) речевая «либерализация», т.е. беспрецедентное загрязнение русской речи вульгаризмами, сленгом, жаргоном, арго и т.п., а также «эзо-терической» лексикой; д) неология, отражающая текущие процессы и реалии новой эпохи (эта лексика не отличается принципиальной новизной – например, антономасия: «ельцинизм», «жириновец», «мавродики» и т.п.; аббревиатуры: «ЛДПР», «СПС» и проч. – в полном виде они традиционны, если не банальны). Какие из этих процессов можно было не заметить до 1998 г. и как их можно было скорректировать их понимание за последующие три года? Между словарем В.И. Даля и его «бодуэновской» редакцией, между словарем *ОЖ* и *ОШ* разница велика, и это естественно. А какой оригинальности можно добиться за три года? Так что, слегка перефразируя «Предисловие», констатируем: «Перечисленные обстоятельства *не могли заставить* пойти по пути концептуальной переработки словаря, затронувшей практически все его параметры».

ТС-2 принципиально не отличается от первого словаря: а) были введены лишь отдельные новые слова («дефолт», «Единство», «СПС» и др., но отсутствует, например, даже прилагательное «постельцинский!»); б) толкование лексики в *ТС-2* оставляет желать лучшего (более удачно прокомментированы технические термины, однако это заслуга составителей соответствующих справочников, использованных в *ТС-2*); в) в словаре много лишних слов и значений, известных иногда с начала XX в., давно устаревших и/или не прижившихся слов, т.е. о *языковых изменениях конца XX в.* не может быть и речи – словарь опровергает собственное название; г) нет системы в компоновке материала: от-

дельные статьи посвящены производным словам, которые можно было бы поместить в общей словарной статье (как это делается в словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и др.), то же касается словообразовательных вариантов, потенциальных слов, существительных разных родов (особенно забавно, когда это относится к адъективным существительным: «юродивая» – «юродивый», «ясновидящая» – «ясновидящий»); д) наконец, семантический хаос дополняется ономастической какофонией – многие названия слов даются в разных вариантах: «китч» и «кич», «плеер» и «плейер», «тамагочи» и «тэмогучи», «яппи» и «йяппи», «CD-ROM» и «CD-Ром» и др., но авторы не уточняют, какие из них равноценны, какие – нет, а в последнем случае не оговариваются основные, факультативные, допустимые, устаревшие и проч., хотя таких помет требует элементарная профессиональная корректность.

Приведем примеры некорректности толкования конкретных слов. Так, вызывают недоумение включенные в *ТС-2* «дворянство» и «Великий князь». Словарь дает такое объяснение слову «дворянство»: «общественная группа, состоящая из потомков дворянского сословия, дворянских родов» (с. 199). Иными словами, это формальное, условное понятие, не соответствующее официально узаконенному сословию с титулами, наследственными имущественными и социальными правами и др. атрибутами. Но как быть с объяснением слова «дворянин»: «[т]от, кто принадлежит к дворянству, имеет дворянский титул, *полученный по наследству*» (с. 198)? Какой нотариус и по какому закону удостоверяет подобные наследственные права? Тем более что к этому слову подобрана совершенно правильная иллюстрация – прямо противоречащая определению: «*Дворянин – человек двора. Но двора-то у нас никакого нет. Нынешние дворянские собрания, особенно в Москве, где называют друг друга “князь”, “граф”, “сударь”, в XX веке смешны. На Невском, 1997, №7*» (с. 199). В общем, так и не понятно, фикция это или нет. А вот что такое «Великий князь»: «потомок родственника русских царей, унаследовавший *этот титул* от своих предков» (с. 112). Было бы

желательно знать, *какой* титул? Царя? Или титул его родственника? Или титул потомка? Вероятно, в такой небрежной форме все-таки обозначен титул «Великого князя». Но остается открытым прежний вопрос: каким образом он передается по наследству? Между прочим, автор предлагает нам сравнить свое определение с дефиницией из «Малого академического словаря» под ред. А.П. Евгеньевой (2-е изд., М., 1981-1984; *МАС-2*): «старший из удельных князей в Др. Руси; титул сына, брата или внука русских царей; лицо, носившее этот титул». Сравнение не в пользу словаря, появившегося 20 лет спустя. В этих курьезных примерах перед нами нечто большее, чем недоразумения и некорректные формулировки. В такой непритязательной форме читателю словаря внушается мысль о каких-то особых – естественных или, напротив, сверхъестественных (это не принципиально) – правах некоторых лиц на превосходство. Словарь внушает нам, что аристократизм – понятие какое угодно: генетическое или «метафизическое» (унаследованное с «голубой кровью» или данное Богом), но только не социальное. Дворянские и великокняжеские титулы и привилегии можно упразднить, но сословная аристократия от этого не исчезнет. И, следовательно, всегда может возродиться *официально*. Возможно, СМИ поддерживают эту коннотацию, а *ТС-2* ее узаконивает, чтобы подготовить общественное мнение к возможной полномасштабной реставрации дворянства, самодержавия (что крайне маловероятно) и к реституции (что не исключено).

Кстати, слово «самодержавие» получает своеобразную трактовку: «Неограниченная государственная власть». В принципе, с этим можно было бы согласиться, особенно если к нему дается такая иллюстрация (правда, весьма бездарная): «*Партийное самодержавие держало в страхе всю страну (...)*. Огонек. 1991. №27». Цитата лжива и бездарна – чего стоит тавтология «самодержавие держало»! – но, по крайней мере, удовлетворительно выполняет свою функцию: подтверждает, что такое значение существует. Можно было бы этим и ограничиться, но автор приводит еще цитату – которая... вызывает сомнения в корректно-

сти данного толкования: «Итогом 1917 года стало самодержавие. Просто пришел революционный царь. НВ. 01.01.91». Значит, самодержавие – все-таки не любая власть, а *монархическая*? Такая трактовка раздваивает сознание читателя. Но, кроме того, внушает ему незатейливую антикоммунистическую идеологию: Октябрьская революция была не сменой политического строя и общественной системы, а «дворцовым переворотом», совершенным авантюристами и властолюбцами. Тот же стереотип подкрепляется еще одной цитатой, многое говорящей о культуре человека, использующего подобные тексты – тем более в научном труде: «На смену самодержавному царю пришло самодержавие тирана [Ленина] и шайки его прихвостней, творивших злодеяния против человечества именем народа. ЗиВ [Земля и Вселенная – А.Ф.]. 1991. №1» (с. 694). Так что авторы ТС-2, соблюдая декорум «политкорректности», «объективности» и «нейтралитета», через подбор иллюстраций ведут пропаганду недвусмысленного содержания.

С особой откровенностью манипуляционность проявляется в подаче «метафизической лексики» – например, оккультной. В ТС-2 отражено и такое веяние времени, как нарастающее или, вернее, насаждаемое мракобесие в форме попустительского отношения к оккультизму и паранауке. Последняя определяется так: «**Паранаука**, и, ж. [греч. *para* – возле, вне и наука] Область знаний, изучающая необычные космические, природные, психические и т.п. явления (обычно не поддающиеся рациональному объяснению). Во всех случаях, как только объявленные паранормальные явления всесторонне проверяются по строгим научным критериям, результат оказывается нулевым. Паранаука **пока** не в состоянии дать ни одного воспроизводимого результата. ЗиВ, 1992, №2. Биолокация – в отличие от многих расплодившихся в последнее время паранаук – вещь **вполне реальная**. АиФ, 1999, №38. Паранаука – это мостики через пропасть, отделяющие науку от антинауки, то есть суеверия. По форме это наука, по сути – беллиберда, щекотка для нервов, бормотуха для обрывочного научного мировоззрения» ЛГ, 05.02.86 (с. 554). Манипуляция сознанием проводится хорошо знакомым

нам способом формально объективного, «плюралистического», а на самом деле тенденциозного подбора цитат. С одной стороны, открытое признание паранауки было бы слишком одиозным (вернее, *преждевременным*) актом, с другой – подчеркивается аспект неполного знания о предмете: возможно, когда-нибудь паранаука докажет свое безоговорочное право на существование. Мы пока не можем принять ее *окончательно*. Заслуживает внимания то, что в ТС-2 отсутствуют слова «антинаука», «квазинаука» и «псевдонаука». Известную дезориентирующую роль здесь играют префиксоиды. Элементы «анти-», «квази-», «псевдо-» обладают безусловно отрицательными коннотациями, но семантика префиксоида «пара-» не столь однозначна: так, если «паралингвистика» – настоящая наука, почему бы не признать таковой и «парапсихологию» и, наконец, путем подстановки, и «паранауку»? Паралингвистика – это не лингвистика, но существенное дополнение к ней, вместе они создают полный, объемный образ *реального* процесса общения. Но паранаука не дополняет науку, и они вместе не создают объемный и полный образ Знания.

Впрочем, в деле пропаганды паранауки вне конкуренции оказался «Современный словарь иностранных слов» – 4-е изд. 2001 г. (СИС-4). Это воистину ультрасовременное издание учло самоновейшие изыскания в этой области. Правда, слово «паранормальный» там отсутствует, но только по недоразумению, зато паранормального – сколько угодно. Итак, читаем: «**Парапсихология** (...) Область психологических исследований, изучающая в основном нормы чувствительности, обеспечивающие способы приема информации, не объяснимые деятельностью органов чувств, соответствующие формы воздействия одного живого существа на другое, на физические объекты, другие нестандартные способности человеческого организма (телепатия, телекинез, левитация, ясновидение)» (с. 443). До такой смелости другие словари не доходили: они или обходили молчанием характер означенных «нестандартных способностей», или ограничивались телепатией, телекинезом, в крайнем случае

ясновидением. Но *левитация!* Неужели человек и на это способен? Находим соответствующее слово в *СИС-4*: «**Левитация** (...) Предполагаемая способность человеческого организма к преодолению силы притяжения и перемещению в пространстве по воздуху, порой несоизмеримо краткие (по отношению к пространству) отрезки времени» (с. 334). Итак, все-таки «предполагаемая»... Но там же сказано открытым текстом: «порой», т.е. *иногда* люди, оказывается, летают. Хотя и предположительно... Например, что такое перемещение «организма»?!! Человек остается на месте, а его органы летают? И, судя по всему, перемещаются на большие расстояния, «несоизмеримые» с «краткими промежутками времени» (если промежутки времени краткие, то расстояния, соответственно, огромные). После этого параспсихического кошмара с летающими внутренностями летание предметов выглядит уже повседневной обыденностью. По крайней мере, слова «телекинез» и «полтергейст» так и объясняются – безо всяких «вероятно» и «предположительно». К счастью, этот «энциклопедический» словарь – единственный в своем роде.

Со своей филологической задачей лексикографы часто справляются не лучшим образом, из чего следует, что их основные задачи – не филологические. Судя по всему, они таковы: 1) вербализовать и закрепить в сознании носителей языка особую концептосферу, дискредитирующую советскую цивилизацию и пропагандирующую неолиберальные ценности; 2) косвенным образом констатировать, что население эти ценности уже приняло – по крайней мере, относится к ним позитивно; 3)

способствовать тотальной клерикализации общественной жизни; 4) соучаствовать в разрушении сформированного советским образованием целостного и системного материалистического сознания россиян, в формировании мировоззренческого плюрализма и релятивизма – в том числе через косвенное признание паранаук, сверхъестественных феноменов, оккультизма и проч. Причем почти все эти лексикографические труды выходят под эгидой Российской Академии наук (к счастью, *СИС-4*, живописующий левитацию как парение в воздухе человеческих внутренностей, не является академическим изданием). Правда, в некоторых словарях, как мы убедились, еще сохраняется инерция здравого консерватизма советских времен (например, в «Малом толковом словаре русского языка» В.В. и Л.Е. Лопатиных всякие «паранормальные» инновации отсутствуют, многих слов нет в *ОШ*, *НСЕ* и т.д.), но процесс идет.

Такие словари, как *ТС-2*, обладают прежде всего диагностической ценностью. Они показывают: русский язык болен. Не речь уродуется, а языковой системе ничего не грозит, как любят уверять сотрудники РАН, – сам язык в опасности. Накопление деформаций на уровне речи деформирует и языковую систему. Ведь проблема не только в засорении русского языка американизмами (в том числе уродливыми, а то и безграмотными, как «VIP-персона», «изафетам»), арготизмами и т.п. По сути, деградирует смысловая система языка – так же, как распадается сознание его носителей. И словари не только фиксируют этот процесс – они его «узаконивают» и углубляют.

Список использованной литературы:

1. Кагарлицкий Б.Б. Управляемая демократия. Екатеринбург, 2005.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М., 2000 (*НСЕ*).
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1989 (*ОЖ*).
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1993 (*ОШ*).
5. Словарь современного русского литературного языка [Большой академический словарь]. – М.; Л., 1948-1965. (*БАС*).
6. Словарь русского языка [Малый академический словарь] / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984. (*МАС*).
7. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М., 1999 (*ТСЕ*).
8. Современный словарь иностранных слов. – 4-е изд. – М., 2001 (*СИС-4*).
9. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1934-1940 (*ТСУ*).
10. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М., 2001 (*ТС-2*).